

69
54

1873

Въ воскресенье, 25-го ноября, происходило въ помѣщеніи Императорскаго Географическаго Общества, подъ председательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича чрезвычайное Собраніе Русскаго Историческаго Общества.

Послѣ открытія засѣданія, въ 3 часа, секретарь Общества А. А. Половцовъ прочелъ Высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ на Имя Его Императорскаго Высочества Государя Велѣдига Князя Наслѣдника Цесаревича нижеслѣдующаго содержанія:

Ваше Императорское Высочество. Стоящее подъ председательствомъ Вашимъ Русское Историческое Общество, въ теченіе семилѣтняго существованія своего, оказало немаловажныя услуги русской исторіи розысканіемъ и обнародованіемъ многихъ важныхъ документовъ, относящихся до XVIII столѣтія.

Въ нынѣшній день, посвященный памяти Императрицы Екатерины II, Мнѣ пріятно вспомнить, что труды Общества обращены были преимущественно на сохраненіе актовъ достохвальныхъ Ея дѣяній, вложившихся къ благосостоянію и славѣ Россіи.

Желаю явить Обществу знакъ Моего благоволенія къ трудамъ его, повелѣваю ему именоваться впредь Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Искренно Васъ любящій
АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ,
24-го ноября 1873 года.

По прочтеніи Высочайшаго рескрипта А. А. Половцовъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

Царствованіе Императрицы Екатерины II не могло не занять главнаго мѣста въ трудахъ Историческаго Общества, посвященныхъ новѣйшей нашей исторіи.

Важность политическихъ, законодательныхъ, административныхъ мѣръ, успѣяніе въ области науки, литературы, искусства, рядъ военныхъ торжествъ, постоянное возрастаніе народныхъ силъ и государственной славы Россіи—вотъ явленія, отличающія это царствованіе и обильно подтверждаемыя свидѣтельствомъ архивовъ. Иностранные источники въ этомъ отношеніи служатъ вѣщимъ подкрѣпленіемъ нашихъ отечественныхъ; вновь изданный нами томъ депешъ англійскихъ посланниковъ является новымъ тому доказательствомъ. Благодаря просвѣщенному содѣйствію англійскаго Правительства и обязательному сотрудничеству лицъ, завѣдывающихъ Лондонскимъ государственнымъ архивомъ, намъ сообщены были донесенія англійскихъ посланниковъ за все время царствованія Императрицы Екатерины II. Издаваемая нынѣ часть этихъ депешъ, относясь къ самому началу царствованія, представляетъ высшія личныя свойства Государыни и даетъ намъ разгадку послѣдующихъ ея успѣховъ на пользу Россіи.

Величая сегодня память Екатерины II мы приводимъ показанія этихъ чужеземцевъ тѣмъ охотнѣе, что составляя свои донесенія въ тиши и тайнѣ кабинета, они конечно не ожидали, что отзывы ихъ раздадутся когда-либо среди насъ.

Для присутствованія при коронаціи Императрицы Екатерины II былъ присланъ лордъ Букингамъ. Вотъ что онъ пишетъ вскорѣ

послѣ приѣзда въ Москву: «По всѣмъ собранымъ мною свѣдѣніямъ Императрица далеко превосходить всѣхъ своихъ подданныхъ по талантамъ, познаніямъ, трудолюбію». Желая достигнуть заключенія союза между Англіею и Россіею, лордъ Букингамъ напрасно искалъ самаго вліятельнаго изъ царедворцевъ; онъ не замедлилъ убѣдиться, что и этимъ дѣломъ занимается сама Императрица, считавшая необходимымъ выждать предварительно окончанія мирныхъ переговоровъ, завершившихъ Семилѣтнюю войну. Лордъ Букингамъ уѣзжаетъ, не достигнувъ указанной ему англійскимъ Правительствомъ цѣли—заключенія союза. Описывая внутреннее положеніе дѣлъ покидаемой имъ Россіи, онъ приходитъ къ заключенію, что трудности этого положенія неисчислимы и непреодолимы.

На мѣсто Букингама приѣхалъ сэръ Джоржъ Макартней, прославившійся впоследствии своею административною и литературною дѣятельностью. Вступивъ въ сношенія съ Панинымъ, Макартней не замедлилъ подписать торговый договоръ, на который королевская ратификація послѣдовала лишь послѣ продолжительныхъ объясненій и переписки. Оправдываясь во встрѣченныя имъ затрудненія, Макартней постоянно обвиняетъ русское Правительство въ неподатливости, проистекающей отъ тѣхъ необъяснимыхъ усѣховъ, коими ознаменована была русская политика. Пруссія, говоритъ онъ, была принуждена заключить съ Россіею выгодный для послѣдней союзъ. На послѣднемъ шведскомъ сеймѣ русская партія взяла верхъ надъ французскою; Польша подчинена всецѣло; Данія вполне повинуется Россіи. Такое обвиненіе едва ли не лучше самой лестной похвалы. Относительно самой Императрицы Макартней выражается такъ: «Надо признаться, что она разумѣетъ способъ управлять своими подданными. Она такъ близко знакома съ ихъ духомъ и характеромъ, такъ хорошо употребляетъ эти свѣдѣнія, что для большей части народа счастье его кажется зависящимъ отъ продолжительности ея царствованія. Удивительно, какія трудности Ей пришлось преодолѣть».

Преемникомъ Макартнея былъ лордъ Каскартъ; представленіе его Государынѣ послѣдовало на торжествѣ закладки Исаакиевскаго собора. Передавая впечатлѣніе, произведенное на него Императрицею, онъ приводитъ стихи Виргилія, описывающаго появленіе Дидоны. «Наружность Императрицы—прибавляетъ Каскартъ—поражаетъ не-

выразимымъ, неизмѣримымъ достоинствомъ; она привѣтлива, спокойна, милостива и внимательна ко всякому».

Разговаривая съ Каскартомъ, Императрица поразила его разнообразіемъ Своихъ свѣдѣній и мѣткостью Своихъ вопросовъ; дивясь неутомимой Ея дѣятельности, посолъ сообщаетъ, что Императрица ежедневно ранѣе пяти часовъ начинаетъ заниматься дѣлами. «Болѣе чѣмъ кто-либо въ цѣломъ свѣтѣ, прибавляетъ Каскартъ, Она способна вести такую сложную машину».

Рядомъ съ столь драгоценными по безкорыстію своему хваленіями Государыни, англійскіе посланники не перестаютъ упоминать о графѣ Н. И. Панинѣ. Оцѣнка этого сподвижника Императрицы Екатерины II, среди самыхъ затруднительныхъ событій Ея царствованія, характеризуетъ столько же Министра, сколько избравшую его Монархиню, и потому не будетъ здѣсь неумѣстна. По словамъ англійскихъ дипломатовъ, Панинъ отличался своею прямою и твердостью; мысли свои выражаетъ ясно, опредѣленно; эти мысли не прикрываютъ какихъ-либо себялюбивыхъ происковъ, не суть произведенія случайнаго впечатлѣнія или желанія блеснуть, повравиться; онъ составляютъ части одного дѣлага, построеннаго просвѣщеннымъ трудолюбіемъ, дѣловою жизнью. Свои убѣжденія онъ высказываетъ Императрицѣ не обинуясь и, какъ упоминаетъ однажды Макартней, цѣлый часъ отстаиваетъ свой взглядъ, нераздѣлимый Государынею; онъ не принадлежалъ къ числу лицъ, опасавшихся для себя обезпечить или огорчить Государыню; въ дѣловыхъ сношеніяхъ Панинъ не прикрывается таинственнымъ молчаніемъ, плохо скрывающимъ бездарность, онъ всегда готовъ говорить о дѣлѣ, не тяготеетъ имъ, несмотря на множество порученныхъ ему обязанностей; онъ любитъ дѣла, потому что любитъ свое отечество. «Невозможно обращать все свое попеченіе на собственныя наши выгоды или непріятности, когда благо отечества требуетъ всего нашего усиленія къ его огражденію»—пишетъ онъ въ интимномъ письмѣ князю Репнину *) во время турецкой кампаніи, и въ его устахъ то была не фраза, а искренно выражавшееся чувство. Таковъ былъ человекъ, которому Императрица уже въ 1763 году ввѣрила тяжелыя заботы о сношеніяхъ Россіи съ другими державами;

*) См. томъ V, стр. 139 «Сборника Русскаго Историческаго Общества».

послѣдствія не замедлили оправдать этотъ выборъ. Шаткость и перемѣчивость, незадолго предъ тѣмъ отличавшія нашу политику, уступили мѣсто твердо определенному образу дѣйствій; по словамъ самихъ англійскихъ посланниковъ, въ три-четыре года положеніе Россіи совершенно измѣнилось. Пруссія дѣлается вѣрною и полезною союзницею, Австрія равнымъ образомъ подчиняется превосходству политики Россіи. Франція, несмотря на свою враждебность, принуждена признать Императорскій титулъ русскихъ Государей. Англія заключаетъ торговый договоръ и ведетъ постоянные переговоры о союзѣ болѣе тѣсно, Данія поддерживаетъ наши виды, Швеція перестаетъ быть угрозою. Все это дѣлаетъ менѣе опаснымъ нарушеніе спокойствія со стороны Польши и Турціи, откуда Панинъ постоянно ожидаетъ трудностей. Но и здѣсь уже готовятся выступить подъ сѣнію Екаторины имена Суворова, Румянцова, Репнина и другихъ.

Лордъ Каскартъ и его преемники въ послѣдующихъ депешахъ выставляютъ рядъ именъ, памятныхъ русскому сердцу; пока мѣсть ихъ донесенія наполнены именами Великой Государыни, и, осуждая весьма многое, многихъ выставляя въ далеко непривлекательномъ свѣтѣ, авторы этихъ депешъ почти всегда, лестно отзываясь о Панинѣ и благоговѣявъ предъ дарованіемъ, характеромъ, неутомимостью Императрицы. Такое свидѣтельство постороннихъ иноземныхъ очевидцевъ несомнѣнно заслуживаетъ вниманіе современнаго русскаго общества, вниманіе того потомства, на пользу коего трудилась Екаторина II.

Послѣ окончанія рѣчи секретаря Общества, членъ Совѣта, ординарный академикъ А. О. Бычковъ говорилъ рѣчь такого содержания:

Въ одномъ изъ Своихъ сочиненій, касающихся русской исторіи, Императрица Екаторина II сказала, что Она не любитъ ни памятниконъ, сооружаемыхъ въ честь живыхъ государей, ни тѣхъ исторій, которыя пишутся при ихъ жизни. И то и другое, говорила Она, дѣло потомства, болѣе строгаго и въ то же время всегда болѣе снисходительнаго, чѣмъ современники, потомства нелицеприятнаго, безпристрастнаго, правдиваго, какъ сама исторія, которая отводитъ мѣсто на своихъ страницахъ только тѣмъ историческимъ дѣятелямъ и упоминаетъ только о тѣхъ событіяхъ, которые содѣйствовали или ходу развитія человѣчества

вообще или отдѣльнаго народа въ частности.

Потомство, о которомъ упоминала Великая, уже для Нея наступило, и гораздо скорѣе, чѣмъ для многихъ другихъ историческихъ лицъ.

Едва миновало три четверти вѣка съ Ея кончины, а благодарная Россія уже послѣдуетъ воздвигнутымъ нынѣ Ей памятникомъ свидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ и отдаленными вѣками, что не безплодно прошло для нея тридцати-четырёхъ-лѣтнее царствованіе Монархини, и что оно внесло въ государственный организмъ тѣ многія живыя начала, развитіе которыхъ совершилось и совершается на нашихъ глазахъ и еще будетъ совершаться долго.

Правильная и точная оцѣнка историческихъ лицъ возможна только при обиліи источниковъ, при доступности ими пользоваться, при раскрытіи всѣхъ данныхъ, будутъ ли они говорить въ пользу или противъ историческихъ дѣятелей. Чѣмъ болѣе документовъ, и притомъ излагающихъ событія съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, тѣмъ вѣрнѣе устанавливается взглядъ на дѣятельность и значеніе историческихъ лицъ, а вмѣстѣ съ этимъ и на ту эпоху, въ которую они дѣйствовали. Историческія лица не боятся ни грязи, ни клеветы, бросаемыхъ иногда въ нихъ современниками. Все это перерабатывается въ историческомъ горнилѣ, и изъ него чище и блистательнѣе являются эти лица передъ потомствомъ. Для Екаторинской эпохи у насъ до сихъ поръ было сдѣлано слишкомъ мало, почти ничего. Кромѣ десяти томовъ полнаго собранія законовъ, гдѣ такъ блистательно проявляется законодательная мудрость Государыни и практическая опытность Ея даровитыхъ сановниковъ и совѣтниковъ, почти безъ исключенія людей мысли и дѣла, мы, до изданія, предпринятаго по волѣ Августѣйшаго Предсѣдателя нашего Общества, не можемъ указать ни на одинъ трудъ, который былъ бы замѣчательнъ въ какомъ-либо отношеніи и удовлетворялъ бы самымъ невзыскательнымъ требованіямъ изслѣдователя. А между тѣмъ все болѣе и болѣе чувствуется потребность въ рядѣ изданій, которыя пролили бы свѣтъ на такъ-называемую Екаторинскую эпоху, незабвенную какъ въ политической жизни русскаго народа, такъ и въ лѣтописяхъ русской литературы и науки, на эпоху, присвоившую себѣ имя Монархини, которая, полюбивъ

всѣмъ сердцемъ вторую свою родину, изучила ея языкъ, бытъ ея народа и его исторію. Для послѣдней Императрица Екатерина II сдѣлала такъ много, потрудила сама такъ не мало, что я позволяю себѣ остановить ваше благосклонное вниманіе на краткомъ очеркѣ Ея заслугъ въ русской исторіографіи. Наука русской исторіи начинается съ Екатерины II. Въ этихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Если припомнимъ, что было сдѣлано до Нея и въ какомъ видѣ русская исторія перешла въ руки Карамзина, то мои слова являются неопровержимою истиною. Въ Ея царствованіе были впервые напечатаны многія наши лѣтописи, давшія возможность Шлецеру заняться своимъ капитальнымъ трудомъ; при Ея покровительствѣ и одобреніи князь Щербатовъ приступилъ къ сочиненію полной исторіи Россіи, доведенной имъ до призванія на престолъ Михаила Ѳеодоровича и до сихъ поръ не потерявшей значенія по обширнымъ къ ней приложеніямъ; по Ея приказанію увидѣла свѣтъ и исторія россійская Татищева, который по вольному образу мыслей навлекъ на себя и на свой трудъ подозрѣніе не только въ духовномъ, но и въ политическомъ вольнодумствѣ; при Ея непосредственномъ участіи началъ быть Новиковымъ «Повѣствователь Древностей Россійскихъ», перешедшій потомъ въ «Древнюю Россійскую Вивліоэкику», на страницахъ которой были помѣщены самыя важныя государственныя и историко-юридическія акты, при чтеніи которыхъ издатель надѣялся, что съ благосклоннымъ любителемъ россійскихъ древностей «не сдѣлается апоплексія, ниже частыхъ и жестокихъ обмороковъ, что онъ не почувствуетъ худаго запаха и гнили, и пыль, покрывающая древности, его не задушить».

Мы знаемъ также, что, по выраженному Ею желанію, Стриттеръ приступилъ къ извлеченію изъ византійскихъ историковъ всего, что относится до славянъ и до Россіи. Ей же мы отчасти обязаны замѣчательными трудами Болтина, первыми явившимися у насъ по исторической критикѣ, въ которой она Сама показала примѣръ, написавъ замѣчанія на Россійскую исторію, сочиненную Стриттеромъ, и Антидотъ или разборъ дурно, но великолѣпно напечатанной книги подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Сибирь господина аббата Шаппъ д'Отероша», составляющій объемистый томъ и представляющій энергическую, правдивую и задушевно написанную оборону русскаго народа отъ преднамѣренныхъ кле-

ветъ иностранца. Припомнимъ еще, что Императрица Екатерина, вслѣдствіе глубокаго уваженія, питаемаго къ Петру Великому, повелѣла князю Щербатову разобрать кабинетный архивъ нашего Великаго Преобразователя и такимъ образомъ содѣйствовала сохраненію очень важныхъ документовъ, которые иначе, безъ всякаго сомнѣнія, давнымъ-давно затерялись бы; что Она своимъ покровительствомъ и повелѣніемъ открытъ доступъ въ правительственныя архивы содѣйствовала Голикову къ составленію 30 томовъ «Дѣяній Петра Великаго» и Дополненій къ нимъ, которыя до сихъ поръ составляютъ самый богатый матеріалъ для занимающихся изученіемъ того времени, когда Россія непоколебимою волею Монарха и силою сложившихся политическихъ обстоятельствъ заняла почетное мѣсто среди европейскихъ державъ. Наконецъ, сколько разнаго рода историческихъ работъ Она поручала какъ русскимъ, такъ и заграничнымъ ученымъ, стараясь такимъ образомъ ознакомить своихъ подданныхъ съ исторіею ихъ родины; сколько разнаго рода недоумѣній, вопросовъ, свидѣтельствующихъ о постоянныхъ Ея занятіяхъ отечественною исторіею, разбросано въ Ея письмахъ и запискахъ къ разнымъ лицамъ. Такъ, на примѣръ, Миллеръ, едва не пострадавшій за свою рѣчь о началѣ народа и имени русскаго, по Ея приказанію занимался составленіемъ дипломатическаго собранія трактатовъ между Россіею и разными европейскими державами. Такъ Сенакъ де-Меланъ (Sénac de Mailhan) былъ вызванъ Ею въ Россію для составленія русской исторіи, и хотя онъ ее не написалъ, тѣмъ не менѣе Она не только дала ему наставленіе какъ долженъ онъ приняться за дѣло, но и неоднократно сообщала ему свои замѣчанія о различныхъ фактахъ русской исторіи. Такъ она приказала сообщать Вольтеру всѣ нужные ему матеріалы для исторіи Петра Великаго, которая, къ сожалѣнію, вышла изъ подъ пера фернейскаго мудреца произведеніемъ далеко ниже посредственнаго. Такъ по Ея желанію, Синодъ предписалъ епархіальнымъ архіереямъ составить и прислать списки всѣхъ бывшихъ въ каждой епархіи архіереевъ и описаніе находящихся въ ней монастырей, чѣмъ воспользовался впоследствии составитель «Исторіи Россійской іерархіи».

Почетное мѣсто занимаетъ и сама Императрица Екатерина II въ ряду русскихъ историковъ. Занятія исторіею страны, которой слава, какъ Она говорила, составля-

ла и Ея славу, начались еще до вступле-
нія Ея на престолъ. Будучи Великою Кня-
гинею, Императрица Екатерина II еже-
дневно посвящала по нѣсколько часовъ на
историческія занятія, рылась въ книгахъ
Своей отборной библиотеки, дѣлала замѣтки,
выписки. «Не зная прошлаго народа, можно
ли принимать какія-либо мѣры для него
въ настоящемъ и будущемъ», не разъ по-
вторяла Она и, руководясь этою мыслью
нерѣдко обращалась къ своимъ замѣткамъ,
а въ 1783 г. приказала, подь наблюде-
ніемъ Шувалова, профессорамъ Московскаго
Университета Барсову и Чеботареву
дѣлать для Нея сводныя выписки изъ всѣхъ
русскихъ лѣтописей, какія только можно
было отыскать въ Синодальной и Патриар-
шей библиотекахъ и въ Московскомъ Госу-
дарственномъ Архивѣ. Всѣ эти матеріалы,
которые доставлялись къ Ней почти до са-
мой Ея кончины, равно какъ списки съ
разныхъ лѣтописей и историческія сказа-
нія, какъ напримѣръ сочиненія Курбскаго,
были Ею прочтены, на все замѣчатель-
ное въ нихъ Она обратила вниманіе, чему
могутъ служить доказательствомъ многія
замѣтки, находящіяся на поляхъ рукопи-
сей, поступившихъ изъ Эрмитажной библио-
теки въ Императорскую Публичную. При-
сланныя изъ Москвы выписки послужили
Монархинѣ главнымъ матеріаломъ, кото-
рымъ Она пользовалась при составленіи Ею
«Записокъ касательно русской исторіи»,
появившихся сначала въ «Собесѣдникѣ»,
а потомъ вышедшихъ особымъ изданіемъ.
Обнародованіе ихъ въ свѣтъ Императри-
ца объясняетъ съ одной стороны тѣмъ,
что всякому народу знаніе своей соб-
ственной исторіи и географіи нужнѣе, не-
жели постороннихъ, а съ другой, что «онѣ
сочинены для юношества въ такое время,
когда выходятъ на чужестранныхъ язы-
кахъ книги подь именемъ исторіи Россій-
ской, кои скорѣе именовать можно сотво-
реніями пристрастными, ибо каждый листъ
свидѣтельствомъ служитъ, съ какою нена-
вистью писанъ, каждое обстоятельство въ
превратномъ видѣ не токмо представлено,
но къ онымъ не стыдился прибавить зло-
бные толки». Въ этихъ словахъ видно, до
какой степени Императрица заботливо
стояла на стражѣ, оберегая честь Россіи
даже и въ области науки. «Собиратель
сихъ записокъ касательно Россійской ис-
торіи—продолжаетъ державная писатель-
ница—не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ
за пазухой, онъ вѣкъ свой тѣшилъ выпол-
нить долгъ благодарнаго сердца!» Этотъ

трудъ, для котораго Императрица, чтобы
объяснить Себѣ темныя мѣста лѣтописей,
обращалась сначала къ Болтину, а потомъ,
послѣ его смерти, къ Мусину-Пушкину и
митрополиту Платону, доведенъ до 1276
года и представляетъ въ древней исторіи
Россіи много интересныхъ домысловъ и
догадокъ, которыя въ настоящее время
стремятся получить нѣкоторое право граж-
данства въ наукѣ, разумѣется будучи об-
ставлены болѣе серьезными изысканіями и
учеными доказательствами.

Такимъ образомъ Императрица Екате-
рина II является средоточіемъ, изъ кото-
раго исходитъ все совершенное во второй по-
ловинѣ XVIII столѣтія въ области русской
исторической науки, сдѣлавшей, благодаря
ея покровительству, вниманію и ободренію,
замѣчательные успѣхи не только между
записными учеными, но и въ средѣ полуоб-
разованной, вдали отъ центровъ умствен-
наго движенія. Такъ въ Архангельскѣ, въ
началѣ Ея царствованія, возникло обще-
ство съ цѣлью собирать древніе рукописи,
акты и лѣтописи и отсылать все это для
напечатанія въ Академію Наукъ. Но это
Общество, родоначальникъ всѣхъ истори-
ческихъ Обществъ, нынѣ существующихъ,
должно было въ 1768 году прекратить
свою дѣятельность вслѣдствіе отказа ар-
хангелогородскаго губернатора Головцына
допустить его членовъ къ осмотру дре-
внихъ актовъ, хранящихся въ архи-
вахъ.

Я намѣтилъ только главное, совершив-
шееся у насъ по отечественной исторіи
въ царствованіе Екатерины II и только то,
въ чемъ она является болѣе или менѣе
виновницею, руководительницею или ду-
шею. А между тѣмъ сколько трудовъ вы-
шло по русской исторіи и вѣкъ ея не-
посредственнаго вліянія, благодаря дви-
женію, возбужденному въ обществѣ къ изу-
ченію прошлаго своего отечества. Сочине-
нія Елагина, Бантышъ-Каменскаго, Рыч-
кова, графа Мусина-Пушкина, отрывшаго
слово о Полку Игоревѣ, Чулкова, соста-
вившаго исторію Россійской коммерціи,
Туманскаго, Рубана, Бакмейстера, Юве-
налія Воейкова — нашего перваго генеало-
га—Шлепера, Шторха и многихъ другихъ,
ученыя экспедиціи въ разныя части Рос-
сіи, исполненныя нашими академиками и
заключающія драгоцѣнныя этнографиче-
скія и археологическія свѣдѣнія—все это
составляетъ такіе цѣнныя вклады въ нау-
ку, которыми могутъ справедливо гордиться
всѣ просвѣщенные народы. Да, повторю
2

снова, царствованіе Екатерины II было блистательною эпохою для русской исторіи.

Въ инструкціи, данной Николаю Ивановичу Салтыкову при назначеніи его воспитателемъ Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича, мы между прочимъ встрѣчаемъ предписаніе: до 15-ти лѣтняго возраста великихъ князей употреблять по нѣскольку часовъ въ день для ознакомленія ихъ съ Россіею во всѣхъ ея частяхъ. «Исторію Россійскую—прибавляетъ Императрица—имъ знать нужно и для нихъ сочиняется». Мы видѣли, что она составлялась самою Екатериною, которая отовсюду собирала для этого труда матеріалы, вполне сознавая всю ихъ необходимость. Важность обнародованія документовъ Государыни выразила въ одномъ изъ писемъ къ Вольтѣру слѣдующими словами: «Я хочу издать въ свѣтъ письма Петра Великаго и для того приказала собирать ихъ вездѣ: въ нихъ Онъ является совершенно такимъ какимъ былъ». Императорское Русское Историческое Общество отчасти исполняетъ по отношенію къ Екатеринѣ II ту же задачу, которую Она сама задумала было совершить для Петра Великаго.

Высочайшая милость, дарованная Обществу и поощрительное вниманіе, которое его труды постоянно встрѣчаютъ въ Августѣйшей Семьѣ, безъ всякаго сомнѣнія усугубяютъ въ его членахъ рвеніе къ скорѣйшему по возможности обнародованію всего, что было писано объ Императрицѣ и Ею самою. А Она въ своихъ замѣткахъ не разъ высказывала задушевные желанія о томъ, чтобы Россія процвѣла промышленностью, искусствами и наукою и чтобы она, идя постоянно впередъ по пути развитія, заняла почетное мѣсто среди европейскихъ державъ. Эти желанія Екатерины II священно исполняются Ея Державнымъ Правнукомъ.

Въ чрезвычайномъ Собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 25-го ноябля, послѣ рѣчей секретаря Общества А. А. Половцова и члена Совѣта А. О. Бычкова, членъ Совѣта, ординарный академикъ Я. К. Гротъ провзнесъ рѣчь нижеслѣдующаго содержанія:

Екатерина II въ Своей литературной перепискѣ.

Въ самомъ первомъ письмѣ Свсемъ къ Вольтѣру, въ началѣ своего царствованія, Екатерина II говорила о Петрѣ Великомъ: «Я прикажу напечатать всѣ Его подлин-

ныя письма, которыя уже велѣла собирать отовсюду. Онъ въ нихъ изображаетъ самаго Себя. Всего прекраснѣе въ Его характерѣ было то, что несмотря на Его вспыльчивость, правда сохраняла надъ нимъ непреодолимую власть, и за это одно, думается Мнѣ, Онъ заслуживаетъ памятника».

Эти двѣ мысли великой Государыни—о собраніи писемъ Петра I и о сооруженіи Ему памятника, изъ которыхъ только послѣдняя вполне осуществлена Ею—прилагаются нынѣ потомствомъ къ Ней самой. Одно изъ самыхъ отрядныхъ явленій нынѣшняго просвѣщеннаго царствованія составляетъ извлеченіе изъ-подъ спуда историческихъ документовъ минувшаго столѣтія. Благодаря предоставленной въ этомъ дѣлѣ свободѣ, въ нѣсколько лѣтъ накопилось для исторіи царствованія Екатерины II болѣе матеріаловъ, нежели прежде ихъ было напечатано въ цѣлыя три четверти вѣка. Къ усиленію отдѣльныхъ лицъ присоединилась вскорѣ дѣятельность цѣлаго Общества: кто не знаетъ, что содержаніе изданныхъ доселѣ 12-ти томовъ Сборника Императорскаго Историческаго Общества, преимущественно посвящено памяти Екатерины II? Но этого мало: по мысли Августѣйшаго Предсѣдателя нашего Общества, съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, въ 1870 году предпринято послѣдовательное изданіе хранящихся въ Государственномъ Архивѣ бумагъ мудрой Императрицы. Такимъ образомъ, одновременно съ сооруженіемъ вещественнаго памятника Екатеринѣ, готовится другая, столь же если не болѣе еще знаменательный и несокрушимый памятникъ Ея умственной дѣятельности.

Что же оказывается изъ всей непоимѣнной массы документовъ, вызванныхъ и вызываемыхъ изъ мрака забвенія относительно Екатерины? Теряетъ ли, затемняется ли оттого Ея безсмертный образъ? Менѣе ли великою Она является въ обстановкѣ подробностей Своей государственной дѣятельности? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ пусть служатъ прекрасныя слова перваго издателя бумагъ Екатерины, покойнаго академика Пекарскаго: «Цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ славнаго вѣка; страсти успѣли утихнуть; настало время безпристрастнаго суда исторіи, того величественнаго суда, который, по мѣрѣ обогащенія фактами, съ каждымъ днемъ яснѣе и свѣтлѣе воссоздаетъ привлекательный, величавый образъ Екатерины II».

Этот-то образъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ его, и желалъ бы я въ краткой бесѣдѣ моей возстановить передъ Вами. Великія дѣла, законы, учрежденія, побѣды Екатерины—неисчислимы; можно сказать, что каждый день этого долговременнаго царствованія отмѣчался новымъ дѣяніемъ, новымъ успѣхомъ. Всѣ Ея предпріятія сопровождалась еще болѣе постоянною удачею, нежели Петровскія. Въ чемъ же преимущественно лежала тайна такого счастья? Можно сказать не обинуясь: въ мудрости Екатерины; но къ мудрости Ея присоединялись многія качества, столь же нужныя для достиженія цѣлей на политическомъ поприщѣ. Въ дѣятельности каждаго правителя, особенно же правителя самодержавнаго, самый важный, основной элементъ есть его личность, его характеръ, умъ, образованіе. И вотъ что въ Екатеринѣ II составляетъ занимательнѣйшій предметъ изученія. При жизни Она Своею личностью очаровывала всѣхъ къ Ней приближавшихся, и многіе изъ нихъ оставили намъ разсказы о своихъ впечатлѣніяхъ; то же дѣйствіе производитъ Она и на потомство выраженіемъ Своихъ мыслей на письмѣ. Попытаюсь очертить Её съ помощію тѣхъ и другихъ свидѣтельствъ, особенно же того, что сама Она писала.

Необятно количество всего, начертаннаго перомъ Екатерины. Въ Государственномъ Архивѣ хранится только часть Ея бумагъ; остальное разсѣяно по архивамъ разныхъ вѣдомствъ и библіотекамъ. Еслибы можно было собрать воедино все Ею написанное, это само по себѣ составило бы порядочный архивъ. И какъ разнообразно то, что Она писала! Не говоря уже о краткихъ запискахъ, распоряженіяхъ и приказаніяхъ на имя приближенныхъ лицъ или правительственныхъ мѣстъ, мы находимъ тутъ обширныя законодательныя работы, цѣлыя указы, манифесты и рескрипты, подробныя инструкціи по случаю почти всѣхъ особенно важныхъ порученій, письма къ довѣреннымъ лицамъ или къ писателямъ и художникамъ, памятные записки о разныхъ обстоятельствахъ или эпохахъ, наконецъ педагогическіе труды и литературныя произведенія значительнаго объема, въ разныхъ родахъ. Однажды Государыня, между разговорами, замѣтила Своему секретарю Грибовскому, что, «не пописавши нельзя и одного дня прожить». Главный источникъ такой производительности пера Екатерины заключался, конечно, въ свойствахъ Ея характера и ума, въ Ея неутомимомъ

трудолюбіи; но къ тому присоединилось также, въ сильной степени, вліяніе духа времени, который одну изъ высшихъ заслугъ ставилъ въ занятіяхъ философа и писателя, въ дѣятельности, доставившей многимъ первостепеннымъ умамъ вѣка и новую славу и новое значеніе. Къ сближенію съ ними, къ подражанію этимъ умамъ, которые считались и сами себя считали просвѣтителями человѣчества, въ одно время съ Екатериною стремились также другіе два монарха: Фридрихъ II и король шведскій Густавъ III. Оттуда возникла и та обширная переписка, которую Императрица вела сперва съ Д'Аламберомъ, Дидро и Вольтеромъ, потомъ съ полунѣмцемъ, полуфранцузомъ Гриммомъ и наконецъ съ ганноверскимъ ученымъ Циммерманомъ. Орудіемъ переписки со всѣми ими служилъ, почти исключительно, французскій языкъ. Эти сношенія имѣли многообразную цѣль: съ одной стороны Екатерина желала такимъ способомъ быть постоянно въ извѣстности обо всемъ, что происходило на западѣ и что о Ней говорили; съ другой, зная обширныя связи этихъ лицъ, а также ихъ авторитетъ и вліяніе на общественное мнѣніе, Она желала Своими письмами къ нимъ распространять за границу вѣрныя, или по крайней мѣрѣ согласныя съ Ея видами, свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ, опровергать клеветы и лживыя толки, которые безпрестанно были распускаемы врагами Россіи. Къ этимъ соображеніямъ примѣшивалось, конечно, и славолубіе, сильно возбуждавшее вообще дѣятельность Екатерины; но то было славолубіе благородное, проистекавшее изъ уваженія къ умственному господству, изъ стремленія заслужить одобреніе просвѣщеннаго міра. Бромъ того естественно, что Государыня, чувствовавшей потребность въ простомъ, задушевномъ обмѣнѣ мыслей съ умными и свѣдущими людьми, отраднo было порою сбрасывать съ Себя всѣ узы придворнаго этикета, забывать стѣснительныя требованія Своего сана въ сношеніяхъ съ другими и вести непринужденную бесѣду съ иностранцами, которыхъ Она искренно уважала, къ которымъ могла обращаться просто, какъ къ человѣку къ человѣку.

Вотъ эта-то сторона литературной переписки Екатерины и придаетъ особенный интересъ Ея письмамъ, и вотъ почему Она такъ заботилась, чтобы они не попали въ печать, предостерегала своихъ корреспондентовъ противъ сообщенія ихъ въ нескромныя руки, или неосмотрительной раздачи съ нихъ копій.

Указанная мною патриотическая цѣль Екатерины дѣйствовать Своими письмами на общественное мнѣніе въ другихъ странахъ, входила отчасти и въ Ея переписку съ двумя дамами: M-me Geoffrin, жившей въ Парижѣ, и M-me Bielke—въ Гамбургѣ. Переписка съ ними сдѣлалась извѣстною только въ недавнее время изъ Сборника Историческаго Общества. Влиятельный салонъ г-жи Жофренъ имѣлъ значеніе литературнаго центра и верховнаго эстетическаго судилища, гдѣ извѣстнѣйшіе писатели и художники искали благосклоннаго приговора своимъ произведеніямъ. Письма Екатерины къ г-жѣ Жофренъ, въ первый разъ напечатанныя вице-президентомъ Историческаго Общества г. Гамбургеромъ, могутъ служить драгоценнымъ матеріаломъ для характеристики Вѣнецознаго ихъ Автора.

О своихъ занятіяхъ и образѣ жизни Екатерина въ одномъ изъ этихъ писемъ говорить: «Въ тѣ дни когда Меня менѣе беспокоятъ, Я чувствую болѣе чѣмъ когда-либо рвеніе къ труду. Я поставила себѣ за правило начинать всегда съ самаго труднаго, тягостнаго, съ самыхъ сухихъ предметовъ; а когда это кончено, остальное кажется мнѣ легкимъ и пріятнымъ; это Я называю приберегать себѣ удовольствіе. Я встаю аккуратно въ 6 часовъ утра, читаю и пишу одна до 8-ми, потомъ приходятъ мнѣ читать разныя дѣла; всякій, кому нужно говорить со Мною, входитъ поочередно до 11-ти часовъ и долѣе; потомъ Я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ иду къ обѣднѣ; въ другіе же дни выхожу въ приемную залу, гдѣ обыкновенно дожидается меня множество людей. Поговоривъ полчаса или $\frac{3}{4}$ часа, Я сажусь за столъ; по выходѣ изъ-за стола, является Бецкій наставлять меня; онъ беретъ книгу, а Я свою работу. Чтеніе наше, если его не прерываютъ пакеты съ письмами и другія помѣхи, длится до 5 часовъ съ половиною; тогда или Я ѣду въ театръ, или играю, или болтаю съ кѣмъ случитъя до ужана, который кончается прежде 11 часовъ; затѣмъ Я ложусь, и на другой день повторяю то же самое, какъ по нотамъ».

Такимъ же характеромъ отличается многолѣтняя переписка Императрицы съ г-жею Бельке, которая въ годы дѣтства Екатерины была близка къ Ея матери и жила въ Гамбургѣ, куда Екатерина въ то время не разъ ѣзжала гостить къ Своей бабушкѣ. Вотъ какъ Императрица однажды бесѣ-

дуетъ съ г-жею Бельке о своемъ положеніи: «Если хотите, Я занята болѣе всякаго другаго, но развѣ это и не должно такъ быть? Я такъ много могу дѣлать добра; всѣ средства у Меня въ рукахъ, мнѣ только остается находить къ тому случаи, что не особенно трудно. Я отъ природы люблю суетиться, и чѣмъ болѣе тружусь, тѣмъ бываю веселѣе. Если у Меня случаются непріятности, такъ что же? Не всякій ли, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, подверженъ имъ, или еще и болшимъ?»

Позднѣе, благодаря г-жу Бельке за доброе мнѣніе о своихъ намѣреніяхъ, Императрица прибавляетъ: «Надѣюсь, что никогда не измѣню имъ, и клянусь предъ вами, что во всю жизнь не предприиму ничего, что было бы противно справедливости и благу человѣческаго рода».

Въ сношеніяхъ Екатерины съ знаменитыми писателями на первомъ планѣ стоитъ Ея переписка съ Вольтеромъ. Ея знакомство съ этимъ авторомъ началось вскорѣ послѣ прибытія Ея въ Россію, когда Она, по совѣту прусскаго посланника Мардефельда, отказалась отъ празднаго препровожденія времени и принялась за чтеніе. Впослѣдствіи Она сознавалась Вольтеру, что узнавъ его сочиненія, перестала читать романы, что ему преимущественно обязана Своими познаніями и предпочитаетъ его всѣмъ другимъ писателямъ. Для объясненія такого пристрастія надобно припомнить общее тогдашнее увлеченіе Вольтеромъ и необыкновенную славу его. Впрочемъ, впослѣдствіи у насъ распространилось преувеличенное мнѣніе объ отрицательномъ направленіи Вольтера. Онъ не былъ атеистомъ, какимъ его обыкновенно представляютъ себѣ, и напротивъ, во многихъ изъ своихъ сочиненій доказывалъ необходимость бытія Божія. Нельзя не согласиться съ сужденіемъ Маколея о философахъ 18 вѣка, что «они, при всѣхъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ заблужденіяхъ, горячо желали улучшить состояніе человѣческаго рода; они всѣми средствами вели борьбу противъ того, что считали злоупотребленіемъ, и во многихъ важныхъ случаяхъ становились между сильными и притѣсняемыми. Правда, они иногда нападали на христіанство съ ожесточеніемъ, недостойнымъ званія философовъ, но проповѣдывали ту самую любовь къ людямъ всѣхъ состояній, которой недоставало у ихъ противниковъ и которой требуетъ истинное христіанство». Къ тому же Ека-

69
68

— 9 —

терина, при своемъ здоровьѣ, возвышенномъ умѣ, не могла читать философвъ безъ критики и не увлекалась ихъ легкомысленными теоріями, на практикѣ непримѣнимыми; Руссо не пользовался Ея расположеніемъ, и Она при каждомъ случаѣ подсмѣивалась надъ его «Эмилемъ», а у Вольтера Она сочувствовала только тому, что было достойно сочувствія. Такъ его заступничество въ дѣлахъ Каласа и Сирвена подало Ей поводъ однажды написать ему: «Быть ходатаемъ за человѣчскій родъ, защитникомъ угнетаемой невинности, значить снискивать безсмертіе. Эти два дѣла привлекаютъ къ вамъ глубокое уваженіе. Тутъ вы боролись противъ ополчившихся вмѣстѣ враговъ человечества — противъ суевѣрія, фанатизма, невѣжества, крѣпостворства, противъ дурныхъ судей. Нужно много доблести и достоинствъ, чтобы преодолѣть такія препятствія. Вы доказали, что обладаете ими — вы побѣдили». Здѣсь похвала Екатерины Вольтеру замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ приведеннымъ мною сужденіемъ англійскаго историка о заслугахъ философвъ XVIII вѣка.

Переписка Екатерины съ Вольтеромъ давно напечатана, какъ отдѣльно, такъ и въ собраніяхъ сочиненій этого писателя. Она нѣсколько разъ была переводима по-русски, но въ сожалѣнію всегда очень плохо. Теперь въ изданіи Историческаго Общества является она отчасти въ новомъ видѣ, по сохранившимся въ Государственномъ Архивѣ собственноручнымъ черновымъ письмамъ Государыни; она во многомъ отличается отъ напечатанныхъ прежде и между прочимъ представляютъ много мѣстъ, которыя при окончательной перепискѣ начисто исключались.

Тѣмъ не менѣе уже и прежде — напечатанныя письма Екатерины къ Вольтеру полны интереса и служатъ краснорѣчивымъ выраженіемъ Ея возвышенныхъ, челоувѣколюбивыхъ идей и пламеннаго патріотизма. Поэтому Карамзинъ, еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, совершенно справедливо замѣтилъ: «Европа съ удивленіемъ читаетъ Ея переписку съ философами, и не имъ, а Ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаній, какое проицаніе, какая тонкость разума, чувствъ и выраженій!»

Однако даже еще и при жизни Екатерины слышались иногда и другаго рода сужденія о сношеніяхъ ея съ тогдашними мыслителями. Довательствомъ тому служить одно, не такъ давно напечатанное письмо ея къ неизвѣстному лицу (1779 г.),

гдѣ мы читаемъ любопытное самооправданіе противъ чьего-то обвиненія за эту переписку. Есть поводъ думать, что обвинителемъ былъ московскій митрополитъ Платонъ, извѣстный врагъ энциклопедистовъ, челоувѣкъ, о которомъ Екатерина въ послѣднее время жизни не совсѣмъ благопріятно отзывалась. Вотъ замѣчательныя слова этого письма ея: «Менѣе всего ожидать надлежало благотворительной рукѣ отъ святительской особы, осыпанной, отличенной и возведенной щедростію и щедротами, безразсудный толкъ извѣстной переписки, которой одно злобою наполненное сердце лишь можетъ дать кривое толкованіе, понеже сама собою та переписка весьма невинна въ такое время, когда тотъ 80-лѣтній старикъ старался своими по всей Европѣ читанными сочиненіями прославить Россію, унижить враговъ ея и удержать дѣятельную вражду своихъ соотчичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу противу дѣлъ нашего отечества, въ чемъ и предиспѣлъ. Въ такомъ видѣ и намѣреніи, письма, писанныя къ безбожнику (здѣсь Екатерина употребляетъ вѣроятно выраженіе своего обвинителя), кажется не нанесли вреда ни Церкви, ни отечеству» *).

Итакъ, если Екатеринѣ нужно было оправданіе въ Ея перепискѣ съ Вольтеромъ, то оно, по собственнымъ Ея словамъ, заключалось главнымъ образомъ въ пользѣ, какую сообщенія Ея приносили Россіи въ глазахъ Европы. Дѣйствительность этой пользы свидѣтельствовалъ самъ Вольтеръ. Однажды, во время первой турецкой войны, онъ писалъ Екатеринѣ: «Каждое письмо, котораго Ваше Императорское Величество меня удостоиваете, выльчиваетъ меня отъ лихорадки, причиняемой мнѣ парижскими вѣстями. Увѣряли, что Ваши войска вездѣ потерпѣли большой уронъ, что они совершенно очистили Морею и Валахію, что въ Вашей арміи появилась чума, и что за успѣхами послѣдовали всевозможныя неудачи. Ваше Величество — мой врачъ. Вы вполне возвращаете мнѣ здоровье. Я же, только что узнаю настоящее положеніе дѣлъ, сейчасъ описываю ихъ и заставляю морщиться тѣхъ, которые прежде на меня наводили тоску. Еще разъ повторяю мою просьбу: увѣдомьте меня на милость о взятіи пяти-шести городовъ, о пяти-шести побѣдахъ, хоть бы для того только, чтобы зажать ротъ завистникамъ».

*) Русск. Архивъ 1866 стр. 71.

Еще прежде начатія переписки съ Вольтеромъ, Императрица, въ самый годъ Своего вступленія на престолъ, обратилась къ энциклопедистамъ д'Аламберу и Дидро съ известными двумя предложеніями: первый долженъ былъ заняться воспитаніемъ Ея сына, а второй уйти въ Россію отъ преслѣдованія французскаго правительства и здѣсь продолжать изданіе своей энциклопедіи, для чего и Фридрихъ II приглашалъ его въ Берлинъ. Ни тотъ, ни другой вызовъ Екатерины не могли быть приняты; но они послужили началомъ сношеній, драгоцѣнныхъ для исторіи по тѣмъ чертамъ ума Екатерины, которыя въ нихъ отразились. Ровно 100 лѣтъ тому назадъ, въ исходѣ 1773 года, Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ благодарить свою Покровительницу за оказанную ему рѣдкую милость — покупку его библиотеки, съ тѣмъ чтобы она оставалась въ его рукахъ до смерти его. Приѣмъ, сдѣланный Ею этому ученому, превзошелъ всѣ его ожиданія. Отправляясь въ Петербургъ, онъ готовился прожить тамъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Надо будетъ, думалъ онъ, представиться Императрицѣ, черезъ мѣсяць можетъ быть Она пожелаетъ его видѣть, спроситъ о чемъ-нибудь, еще мѣсяць — онъ Ей откланяется и уѣдетъ. Такъ (говорилъ Дидро своей дочерѣ) обошлось бы дѣло при всякомъ другомъ Дворѣ, кромѣ Петербургскаго. Въ продолженіе не двухъ, а пяти мѣсяцевъ, которые онъ прожилъ здѣсь, Екатерина почти ежедневно, по нѣсколькимъ часамъ сряду, удостоивала его самой искренней, непринужденной бесѣды о всевозможныхъ предметахъ, особенно же о философіи, законодательствѣ и политикѣ. Дидро, вообще серьезный и задумчивый въ большомъ обществѣ, оживлялся необыкновеннымъ жаромъ съ глазу на глазъ, и предъ Екатериной чувствовалъ себя такъ свободнымъ, что послѣ самъ удивлялся смѣлости, съ которою излагалъ Ей свои мысли. Екатерина, замѣчая, что иногда онъ сдерживался, просила его продолжать не стѣсняясь. Не забудемъ, что это было въ эпоху самыхъ тревожныхъ для Нея заботъ Турецкой войны и Пугачевского бунта. Многимъ идеямъ французскаго философа Государыня не могла сочувствовать, на примѣръ, когда онъ предлагалъ Ей передѣлать весь строй государственной и общественной жизни Россіи; но Она глубоко сочувствовала его характеру, благородству его правилъ, его убѣжденію, что безъ энтузіазма нельзя ни въ чемъ стать выше посредственности. Она

писала о немъ Вольтеру: «Это необыкновенно умный человекъ, съ такими свойствами сердца, какія Я бы желала имѣть всѣмъ людямъ». Что же касается до взглядовъ Дидро, то Екатерина находила, что онъ иногда рассуждалъ какъ десятилѣтній мальчикъ, и однажды сказала ему: «Я съ большимъ удовольствіемъ слухала все, что вы говорили мнѣ по внушенію вашего блестящаго ума; но со всѣми вашими великими началами, которыя Я понимаю вполне, хорошо писать книги, да плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій, вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, между тѣмъ какъ Я, бѣдная Императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе». Этотъ откровенный отзывъ Екатерины хотя и не могъ не измѣнить предмета бесѣды Ея съ Дидро, но нисколько не охладила его благоговѣнія къ Ней, и возвращаясь изъ Россіи, онъ между прочимъ такъ выражается о Ея свойствахъ въ письмѣ къ роднымъ: «Непостижимая твердость въ мысляхъ, со всею обольстительностію и возможною легкостію въ выраженіи, любовь къ истинѣ, доведенная до высшей степени, знаніе быта и дѣлъ государства своего, знаніе, которое не уступитъ вашему въ домашнемъ хозяйствѣ».

Во время пребыванія Дидро въ Петербургѣ дѣятельно производились работы надъ памятникомъ Петру I. Изъ бумагъ Государственнаго Архива видно, что когда пріискивалось мѣсто для этого сооруженія, возникла также мысль о памятникѣ Екатеринѣ. До сихъ поръ было только известно, что дворянство и купечество въ Петербургѣ собрало на этотъ предметъ болѣе 52.000 руб., но что Государыня отказалась отъ такой чести, обративъ собранную сумму, съ прибавленіемъ изъ собственныхъ средствъ 15.000 руб., на разныя богоугодныя и человеколюбивыя учрежденія. Недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» приведено старинное извѣстіе, почерпнутое изъ одного французскаго журнала 1780-хъ годовъ, будто въ Берлинѣ, въ тамошней королевской литейной, отлита была бронзовая колоссальная статуя Русской Императрицы, заказанная этою Государынею въ 1782 году славному ваятелю Мейеру. Отливка, было прибавлено въ извѣстіи, произведена съ величайшимъ успѣхомъ, и десяти-футовая статуя считается совершеннѣйшею. Если это свѣдѣніе и не лишено основанія въ главномъ фактѣ, т.-е. отливѣ

статуи Екатерины, то тутъ однакожь недостаётъ необходимаго разъясненія: точно ли эта статуя была заказана самою Екатериною, а не кѣмъ-либо изъ Ея приближенныхъ. Теперь оказывается, что это та самая статуя, которая въ 1846 году послужила для памятника, воздвигнутаго въ Екатеринославѣ тамошнимъ дворянствомъ. Она заказана была Потемкинымъ въ виду путешествія Екатерины II въ Южную Россію и должна была украсить временной дворецъ, построенный для приѣма Государыни въ названномъ городѣ (тогда селеніи Половицахъ). Но работа не поспѣла къ приѣзду Императрицы, и не прежде какъ въ 1830-хъ годахъ эта статуя была привезена въ Петербургъ, гдѣ и оставалась, пока скатеринославское дворянство не испросило, чрезъ Новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, соизволеніе Императора Николая употребить эту статую на сооруженіе памятника въ Екатеринославѣ. Съ другой стороны, независимо отъ этого, открывається, что въ 1766 году, т.е. при началѣ работъ надъ статуею Петра Великаго и прежде нежели депутаты просили Императрицу принять титулъ Великой, Мудрой, Матери отечества, прискивалось мѣсто для сооруженія Ей памятника. Нѣкто Балиштейнъ, служившій въ Коммерцъ-Коллегіи, составилъ по этому предмету шесть проектовъ, съ подробнымъ описаніемъ тѣхъ мѣстностей, которыя онъ предлагалъ избрать для постановки монумента и устройства вокругъ него *Екатерининской* площади. Но всего любопытнѣе, что въ послѣднемъ изъ этихъ проектовъ онъ предлагаетъ поставить памятникъ Петру Великому на Васильевскомъ островѣ, площадь же между Сенатомъ и Адмиралтействомъ, какъ самую приличную для такого сооруженія, употребить для памятника Императрицѣ и переименовать ее Екатерининскою. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ проектовъ, подписанныхъ именемъ Балиштейна, въ Государственномъ Архивѣ не имѣется.

Въ ряду откровенныхъ бесѣдъ Императрицы съ иностранными мыслителями, важное мѣсто занимаетъ Ея многолѣтняя переписка съ Гриммомъ, который посѣтилъ Петербургъ въ одно время съ другомъ своимъ Дидрѣ. Какъ корреспондентъ многихъ государей, въ томъ числѣ и Фридриха II, онъ писалъ извѣстія и критическія замѣтки обо всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ явленіяхъ въ литературной, художественной и общественной жизни Париза. Сно-

шенія Императрицы съ Гриммомъ начались очень рано, но въ постоянную переписку съ нимъ Она вступила только послѣ пребыванія его въ Петербургѣ, куда онъ въ первый разъ приѣхалъ въ 1773 году, вслѣдъ за ландграфинею Гессенъ-Дармштадтскою, матерью первой невѣсты Великаго Князя Павла Петровича. О своихъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ II Гриммъ оставилъ очень любопытную записку, напечатанную въ изданіи Историческаго Общества г. Векомъ.

Здѣсь онъ, между прочимъ, такъ описываетъ свои бесѣды съ Императрицею: «Надо было видѣть въ такія минуты эту необычайную голову, эту смѣсь генія съ граціею, чтобы понять оживлявшій Ее огонь; неожиданныя мысли, у Нея вырвавшіяся, острыя замѣчанія, такъ сказать, тѣснились и сталкивались, срываясь одно за другимъ, какъ свѣтлыя струи безъискусственнаго водопада. Зачѣмъ я не могъ записать слово въ слово этихъ бесѣдъ! Свѣтъ пріобрѣлъ бы драгоценную, можетъ-быть единственную страницу исторіи ума человѣческаго!» Письма Императрицы къ Гримму до сихъ поръ все еще неизвѣстны и войдутъ въ слѣдующіе томы Сборника Историческаго Общества.

Очень замѣчательна также переписка Императрицы съ ганноверскимъ докторомъ Циммерманомъ, которая, несмотря на его нѣмецкую національность, велась также по-французски. На Циммермана впервые обратилъ вниманіе Екатерины князь Григорій Орловъ, нарочно посѣтившій Ганноверъ, чтобы познакомиться съ знаменитымъ ученымъ. Приглашеніе въ Петербургъ на весьма выгодныхъ условіяхъ было отклонено Циммерманомъ. Переписка же съ нимъ Императрицы началась по поводу появленія его книги «Объ уединеніи», которая, по Ея собственному сознанію, много способствовала къ разсѣянію овладѣвшей Ею ипохондріи. Екатерина питала глубокое уваженіе къ уму, познаніямъ и характеру Циммермана. Она съ радостію одобрила его предложеніе прислать въ Россію опытныхъ врачей и хирурговъ, и оказывала особенное покровительство тѣмъ, которые по его рекомендаціи были приняты въ русскую службу.

Позвольте мнѣ привести здѣсь часть замѣчательной исповѣди Ея, которая украшаетъ одно изъ послѣднихъ писемъ Екатерины II къ Циммерману и никогда не потеряетъ своего высокаго интереса: «Если

вѣкъ мой Меня боялся, онъ былъ очень не правъ: Я никогда никому не хотѣла внушать страха; Я желала быть любимой и уважаемой, насколько того заслуживаю, и больше ничего. Я всегда думала, что на Меня клеветали потому, что не понимали Меня. Я видала многихъ людей несравненно умнѣ Себя. Никогда Я ни къ кому не чувствовала ни ненависти, ни зависти. Мое желаніе и удовольствіе состояло въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми; но такъ какъ всякій можетъ быть счастливъ только по своему характеру, прихотямъ или понятіямъ, то въ этомъ Мои желанія часто встрѣчали препятствія, для Меня совершенно непонятныя. Конечно, въ Моемъ славолюбіи не было злобы, но можетъ быть Я слишкомъ далеко простирала Свои виды, думая, что люди способны стать разсудительными, справедливыми и счастливыми. Родъ человѣскій вообще склоненъ къ неразумію и несправедливости, а съ этимъ нельзя быть счастливымъ. Если бы онъ слушался разума и справедливости, то *за насъ* не было бы нужды; счастье же, какъ Я уже сказала, каждый понимаетъ по своему.... Европа напрасно опасалась Моихъ намѣреній, отъ которыхъ она могла бы только выиграть. Если Мнѣ платили благодарностію, то по крайней мѣрѣ никто не скажетъ, чтобы Я не была признательна; Я часто мстила своимъ врагамъ дѣлая имъ добро, или прощая имъ. Вообще человѣчество имѣло во Мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ».

Такого же рода изображеніе самой Себя мы находимъ въ неизвѣстной доселѣ перепискѣ, которую Императрица въ послѣдніе годы Своего царствованія вела съ прѣбывавшимъ въ Россію французскимъ эмигрантомъ Сенакъ-де-Мельяномъ. Этотъ иностранецъ, авторъ нѣсколькихъ политическихъ сочиненій, прежде занимавшій высокое гражданское положеніе во Франціи, заявилъ намѣреніе написать исторію Россіи въ XVIII столѣтіи. Какъ ни странно и смѣлою находила Екатерина эту мысль въ человѣкѣ, неподготовленномъ къ такому труду и незнавшемъ даже русскаго языка, однакожъ, слѣдуя правилу ободрить таланты всякаго рода, желавшіе посвятить себя на пользу Россіи, просвѣщенная Государыня вступила съ Сенакомъ въ дѣятельную переписку, которая и касалась преимущественно его литературнаго предпріятія. Впослѣдствіи однакожъ оказалось, что главною цѣлью этого эмигранта было достигнуть выгоднаго положенія, и онъ, лишившись бла-

говоленія Императрицы, долженъ былъ удалиться. Въ одномъ изъ писемъ къ нему за первое время Екатерина писала: «Вотъ вамъ приблизительно Мой портретъ. Я никогда не признавала за Собою творческаго ума... Меня всегда было очень легко руководить, потому что для достиженія этого нужно было только представить Мнѣ мысли, несравненно лучше и основательнѣе Моихъ; тогда Я была послушна какъ агнецъ. Причина этого заключается въ крайнемъ Моемъ желаніи блага государству. Я была такъ счастлива, что попала на добрыя и истинныя начала, которымъ Я была обязана великими успѣхами. Я испытала и большія невзгоды, происшедшія отъ ошибокъ, въ которыхъ Я не имѣла никакого участія, а можетъ быть и отъ того, что предписанное Мною исполнялось не въ точности. Несмотря на Мою природную гибкость, Я умѣла быть упрямою или твердою (какъ угодно), когда это было нужно. Я никогда не стѣсняла ничего мнѣнія, но въ случаѣ надобности имѣла Свое собственное. Я не люблю споровъ, убѣдившись, что каждый всегда остается при своемъ мнѣніи; притомъ же Я не умѣю говорить особенно громко. Я никогда не была злопамятна, потому что такъ поставлена Провидѣніемъ, что не могла питать этого чувства къ частнымъ лицамъ и находила обоюдныя отношенія слишкомъ неравными, если смотрѣть на дѣло справедливо. Вообще я люблю правосудіе (*la justice*), но нахожу, что вполнѣ-строго правосудіе не есть правосудіе, и что одна только справедливость (*l'équité*) соразмѣрна съ слабостію человѣка. Но во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе и снисхожденіе къ человѣческой природѣ предпочитала Я правиламъ строгости, которую, какъ Мнѣ казалось, часто превратно понимаютъ. Къ этому влекло меня собственное Мое сердце, которое Я считаю кроткимъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ строгость, Я, заливаясь слезами, сознавалась имъ въ Своей слабости, и случалось, что иные изъ нихъ, также со слезами на глазахъ, принимали Мое мнѣніе. Нравъ у меня веселый и откровенный, но на Своемъ долгомъ вѣку Я не могла не узнать, что есть желчныя умы, которые не любятъ веселости, и не всѣ люди могутъ переносить правду и искренность».

Такъ Екатерина судила о самой Себѣ, и надобно согласиться, судила совершенно правильно. Мы видимъ въ Ней удивительное сочетаніе свойствъ, украшающихъ частнаго человѣка, съ великими политическими

способностями. Живость, веселость и любезность нрава, блестящее остроумие и быстрое соображение, сопровождались у Нея, в редкой степени, глубиной и проницательностью мысли, наблюдательностью и трудолюбием. Известно, что Она в дѣтствѣ получила весьма ограниченное первоначальное образованіе. «Что дѣлать—говорила Она однажды—дѣвица Гардель не могла выучить Меня лучше. Она была старая француженка и образовала меня довольно, чтобы быть въ замужствѣ за кѣм-нибудь изъ нашихъ сосѣдей». Но, какъ Петръ и большая часть великихъ людей, Екатерина любознательностію и стремленіемъ къ самоусовершенствованію скоро вознаградила эти недостатки воспитанія, и съ помощію чтенія, размышленія и собственныхъ авторскихъ занятій, стала въ уровень съ самыми образованными людьми Своего вѣка. Ей были коротко известны труды лучшихъ, не только современныхъ, но и древнихъ философовъ и политиковъ. На этомъ знаніи основывались Ея либеральныя и филантропическія стремленія. Но вмѣстѣ съ этимъ Она, какъ было показано, чуждалась всякихъ фантастическихъ несбыточныхъ теорій: твердо стоя на почвѣ дѣйствительности, Она въ то же время какъ нельзя лучше понимала необходимость примѣняться къ особенностямъ и потребностямъ русскаго народа, котораго характеръ, превосходства и недостатки изучила съ изумительною прозорливостію. Замѣчательно, что Она въ этомъ отношеніи приближалась къ воззрѣніямъ позднѣйшихъ славнофиловъ и говорила: «Русскій народъ есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ; онъ отличенъ догадкою, умомъ, силою. Я знаю это по двадцатилѣтнему опыту Моего царствованія. Богъ далъ русскимъ особенное свойство».

Во всѣхъ Своихъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ Екатерина руководствовалась этимъ воззрѣніемъ. Она любила русскій языкъ, русскіе народныя обычаи, нравы, повѣрья, носила иногда русскую народную одежду. Любила все величавое, необыкновенное, Она гордилась громадностію Россіи и шутя писала однажды Вольтеру: «по пространству моей Имперіи, для меня цѣлый годъ какъ день одинъ».

Имѣвъ случай еще въ молодости, при жизни Императрицы Елисаветы, присмотрѣться къ борьбѣ человѣческихъ страстей въ дворскихъ интригахъ и превратностяхъ, Екатерина рано приобрѣла глубокое знаніе людей и впоследствии обнаруживала его,

съ одной стороны, мастерскимъ выборомъ исполнителей Своихъ предначертаній, а съ другой редкимъ умѣньемъ дѣйствовать какъ на массы, такъ и на отдѣльныя лица. Въ приѣмѣ Ею иностранныхъ пословъ, въ сношеніяхъ съ кѣмъ бы то ни было каждое слово, каждый шагъ Ея показывали необыкновенный тактъ и искусство безошибочно производить желанное впечатлѣніе. Екатерина была такой же тонкой дипломатъ, какъ и искусный администраторъ. Считаю излишнимъ припоминать здѣсь Ея умѣнье поощрять своихъ министровъ и полководцевъ къ новымъ усиліямъ и заслугамъ умѣстными, чрезвычайно умно придуманными наградами, и даже въ случаѣ неудачъ ободрять ихъ то ласковымъ,нисходительнымъ словомъ, то надеждою лучшаго успѣха впереди.

На всемъ существѣ Своемъ Екатерина носила печать особенной щедрости природы, излившей на Нее всѣ дары свои. Величайшая женственность не исключала у Нея твердости, мужества и рѣшительности, свойственныхъ обыкновенно только избраннымъ нашего пола. Но была одна мысль, одно стремленіе, которыя наполняли Ея душу, проникали всѣ Ея дѣйствія. Это была забота о благѣ Россіи; вѣрнѣйшимъ же путемъ къ тому Она считала: просвѣщеніе, доброе воспитаніе и добрыя нравы. Къ этому Она стремилась и въ законодательствѣ Своемъ, и въ учрежденіяхъ и въ умственныхъ трудахъ; почти всѣ литературныя сочиненія Ея имѣли педагогическую основу, поучительное направленіе. Она изучила труды всѣхъ важнѣйшихъ мыслителей запада и старалась лучше воспитательныя идеи ихъ примѣнять къ Россіи. При достигнутомъ Ею высокомъ образованіи, Ея не могли не поражать недостатки русскаго общества, и это часто выражалось въ томъ, что Она писала. Существеннѣйшую же задачу педагоги ставила Она въ нравственномъ воспитаніи, въ томъ, чтобы учебнымъ заведеніямъ сообщить воспитательный характеръ, чтобы приготовить новое, болѣе просвѣщенное поколѣніе, и на эту задачу обращала главное вниманіе. Наконецъ и собственная литературная дѣятельность Екатерины, вызванная не только духомъ вѣка, но и потребностію Ея души, имѣла для тогдашней Россіи большое значеніе. Ея авторство, Ея вниманіе къ возникшей литературѣ, Ея участіе въ судьбѣ писателей среди общества, вообще имѣвшіаго мало умственныхъ интересовъ, дѣйствовали чрезвычайно благотворно, про-

буждая любовь къ чтенію и благородное стремленіе къ творчеству въ области искусства и науки.

Екатерина любила увѣковѣчивать заслуги Своихъ сподвижниковъ памятниками. Она почтила такимъ же образомъ память Петра Великаго. Теперь Россія, подъ славнымъ скипетромъ Александра II, воздастъ дань правосудія Екатеринѣ и соорудитъ Ей монументъ, построенный русскимъ художникомъ и превосходящій по громадности размѣровъ все, что до сихъ поръ существуетъ въ этомъ родѣ. Не служитъ ли это торжественнымъ заявленіемъ признанія благихъ началъ и великихъ основъ царствованія Екатерины? Не служитъ ли памятникъ Ея священнымъ залогомъ, что тѣ же начала мудрости, человеколюбія и просвѣщенія твердо положены въ основаніе всего будущаго развитія Россіи?

Памятникъ Екатеринѣ, въ обстановкѣ главныхъ Ея сподвижниковъ, становится памятникомъ всего Ея царствованія. Россія гордится ихъ именами; они составляютъ украшеніе вѣка Екатерины и не будутъ забыты исторіею. Не странно ли? Почти все это люди, недостаточно подготовленные наукою для великихъ задачъ своего поприща; они были созданы духомъ Ея царствованія, воспитаны въ школѣ жизни подъ влияніемъ и руководствомъ Ея генія. Среди первостепенныхъ сановниковъ и славныхъ полководцевъ мы видимъ здѣсь и писателя, изображеніемъ котораго на монументѣ великой Императрицы воздана честь таланту и литературной заслугѣ. Державинъ всего блистательнѣе выполнилъ ту сторону своего призванія, на которую ему указывало глубокое пониманіе духа Екатерины и восторженное сочувствіе къ славнымъ событіямъ Ея царствованія. Величавые образы, въ которыхъ онъ начерталъ Ея и главныхъ Ея

пособниковъ, также безсмертны, какъ и самыя дѣла ихъ. Изображая Екатерину во всѣхъ проявленіяхъ Ея личности Державинъ сказалъ между прочимъ: «Не дорожа твоимъ покоемъ, читаешь, пишешь предъ нами, и всѣмъ изъ твоего пера Блаженство смертнымъ изливается».

Предметомъ бесѣды моей о Екатеринѣ II и было именно воспоминаніе нѣкоторыхъ чертъ этой стороны Ея дѣятельности, особенно занимающей наше Историческое Общество. Мы имѣемъ счастье видѣть здѣсь сегодня Августѣйшаго Предсѣдателя его. Ваше Императорское Высочество! Провидѣніе даровало Вамъ неоцѣненное счастье видѣть на дѣлѣ многія изъ обширныхъ предначертаній Екатерины уже осуществленными Августѣйшимъ Родителемъ Вашимъ. Духъ Великой Прабабки обновился въ славныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ нынѣшняго благословеннаго царствованія. Но пути развитія въ области бытія народовъ безконечны. Еще обильная жатва ждетъ дѣлателей и въ жизни и въ наукѣ. Много еще трудовъ предстоитъ намъ, русскимъ, по исторіи этой отрасли знанія, успѣхами которой измѣряется степень просвѣщенія націй. Мудростию Государя Императора намъ уже дарована возможность прилежно извлекать изъ праха архивовъ живыя основы для такого изученія, а Вашему Императорскому Высочеству русская историческая наука уже обязана богатымъ приращеніемъ своихъ источниковъ. Да продолжаетъ она, подъ благотворнымъ покровительствомъ Вашимъ, обогащаться на освѣщеніе нашего прошлаго, на преуспѣяніе истины въ бытописаніяхъ, какъ и въ жизни, чтобы, при помощи собираемыхъ совровищъ, при могущественномъ содѣйствіи Вашемъ, создалась наконецъ правдивая, вполне достойная своего предмета исторія Екатерины Великой.

(Изъ №№ 286 и 287 «Правительственнаго Вѣстника»).